

угрожает в настоящее время, по его мнению, и «Нангу» — театру теней, процветавшему в XIII—XIV вв. н. э. В подтверждение древности его происхождения автор ссылается на два документа: свод церемоний при королевском дворце — 1458 г. и мемуары Нанг Ноламат — наложницы короля Пра Руанга.

Искусство театра теней, по мнению Никола, пришло в Таиланд из Индии через Яву. В репертуаре театра теней — сцены из индийского эпоса «Рамаяна», известного в Таиланде под названием «Рамакиен».

Автор подробно описывает технику изготовления кожаных фигур театра теней. Он указывает на имеющиеся разновидности «нанг» — «нанг-рам» и «нанг-рабам», последняя отличается от первой тематикой представлений. Довольно поздно возник смешанный жанр — перед экраном ставились подмости, на которых танцевали актеры — исполнители главных ролей в спектакле, а второстепенные роли представлялись тенями на экране. По мнению автора статьи, введение живых актеров предназначалось для оживления несколько монотонных представлений театра теней.

Статья принца Дхани Нивата (JSS, т. 40, ч. 2, 1952, стр. 133—145) посвящена другому виду традиционного искусства Таиланда, которому, наряду с театром теней, Р. Никола предсказывает скорое увядание — классическому танцу. В ней подробнейшим образом описан костюм исполнителя роли героя в классической сямской драме.

С мнением Р. Никола о ломке традиционных видов искусства в Таиланде под влиянием европейского искусства мы не можем согласиться. Он явно недооценивает глубокие народные корни искусства Таиланда, а с другой стороны, переоценивает силу и значимость влияния на него Запада.

Много в журнале статей по истории сямских буддийских храмов: Ват Сай, Ват Сакет, Ват Маходату, Ват Паворонивеча и др.

Таиландской нумизматике посвящены статьи В. Гардинг Нидлера (т. 29, ч. 1, 1936, стр. 1—12), У. Гюлера (т. 37, ч. 2, 1949, стр. 124—143) и особенно исследование Р. ле Мэя (т. 25, ч. 1, 1932, стр. 1—78), считающееся одной из лучших из опубликованных в журнале работ и сыгравшее значительную роль в росте популярности JSS.

Есть в журнале несколько статей и заметок об отдельных жанрах тайландской литературы.

Лингвистический раздел журнала представлен рядом статей о латинизации сямской письменности, о происхождении сямского алфавита, исследованиями древнейших письменных памятников на тайском языке, исследованиями в области грамматики, фонетики, этимологии тайского языка, материалами по лексике малых народов Таиланда.

За рассматриваемый период — 54 года — «Журнал Сямского общества» развернул широкую деятельность по изучению Таиланда. Особенно много внимания было уделено историческому прошлому этой страны. Публикация на страницах журнала работ виднейших тайландских и европейских ученых делает его источником ценной научной информации. С сожалением отметим, однако, что «Журнал Сямского общества» стоит в стороне от современности, почти не поднимает актуальных научных проблем. Тем не менее он заслуживает внимания специалистов, так как содержит богатый фактический материал и ряд исследований по археологии, истории, этнографии и искусству Таиланда.

Е. Иванова

НАРОДЫ СССР

ЦЕННЫЙ ТРУД ПО КАВКАЗОВЕДЕНИЮ

(М. О. Косвен. *Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы*. М. 1961, 257 стр.)

Автор рассматриваемого труда широко известен как один из крупнейших представителей советской этнографической науки, в течение более 30 лет занимающийся также и кавказоведением.

В советском кавказоведении М. О. Косвен плодотворно продолжает лучшие традиции дореволюционного русского кавказоведения, значительно обогатив тот вклад в этнографию народов Кавказа, который внесли его предшественники и прежде всего М. М. Ковалевский. Исследуя ряд кардинальных проблем истории первобытного общества, М. О. Косвен вслед за М. М. Ковалевским обратил особое внимание на кавказский этнографический материал. Летом 1931 г. М. О. Косвен совершил экспедиционную поездку в Юго-Осетию (Джавское ущелье). Собранный во время этой поездки материал послужил основанием для первой кавказоведческой работы М. О. Косвена — «Из

истории родового строя в Юго-Осетии»¹, которой и открывается рецензируемая книга, представляющая собой в известной мере свод важнейшего из того, что написано автором по кавказоведческой тематике. Хотя часть помещенных в книгу статей по этнографии Кавказа публиковалась раньше (главным образом на страницах журнала «Советская этнография»), однако многие из них подверглись столь значительной переработке, что по существу являются новыми исследованиями, в которых М. О. Косвен развивает и уточняет высказанные им ранее взгляды по ряду сложных и запутанных вопросов. Некоторые из вошедших в данную книгу этнографических очерков публикуются впервые. В книге значительное место уделено истории этнографического изучения Кавказа в отечественной науке. Специальные очерки посвящены декабристам-кавказоведам, а также таким видным представителям дореволюционного кавказоведения, как П. Г. Бутков, Хан-Гирей, М. М. Ковалевский.

Не имея возможности в рамках данной статьи рассмотреть все разнообразное содержание рецензируемой книги, охватывающей большой круг вопросов этнографии, истории и историографии народов Кавказа, мы остановимся лишь на проблеме родового строя, являющейся центральной в кавказоведческих изысканиях М. О. Косвена.

Как известно, Кавказ в дореволюционной русской этнографии обычно трактовался как классическая страна родового строя. Историографические исследования М. О. Косвена, в частности помещенный в рецензируемой книге очерк «Проблема общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской историографии» (стр. 209—222), убедительно показывают, что передовые представители русского кавказоведения еще в начале 40-х годов XIX в. (т. е. задолго до того, как Л. Г. Морган выступил со своей теорией рода) обратили внимание на существование родовой организации у народов Кавказа и в общем правильно определили ее социальную сущность и историческое место. Однако в дореволюционных работах не было развернутого описания родового строя у народов Кавказа и допускалась, как правило, чрезвычайная расплывчатость и путаница в терминологии, что еще более затрудняло воссоздание четкой и ясной картины родовых отношений, существовавших в то время на Кавказе. Этого недостатка не избег даже такой выдающийся исследователь, как М. М. Ковалевский, который при описании родовых отношений у кавказских горцев употреблял как синонимы столь разные по существу понятия, как «род», «община», «фамилия», «братство» и т. д.

Подвергая тщательному анализу конкретно-исторические сведения о родовых институтах и отношениях, сохранившихся до недавнего прошлого у различных народов Кавказа, М. О. Косвен приходит к выводу, что арханческий род как реальная социальная единица давно уже перестал существовать у народов Кавказа, в том числе и у большинства горцев Северного Кавказа и Дагестана, на социальных строй которых в дореволюционной этнографической литературе было принято прежде всего ссылаться, когда речь заходила о родовом строе на Кавказе. Существовавшие на Кавказе в прошлом и бывшие в XVIII—XIX вв. предметом наблюдения и описания многих авторов крупные родственные группы, которые чаще всего обозначались термином «фамилия», «никоим образом,— пишет М. О. Косвен,— нельзя отождествлять или сближать с арханческим первобытным родом» (стр. 23). И далее автор указывает: «Не имея... основания видеть в кавказских крупных родственных группах, «фамилиях» арханческие или «классические» роды, мы не можем искать в них те черты и признаки, которые связываются с этой первобытной общественной формой. Остается только в существующем кавказском историко-этнографическом материале искать именно и только пережиточные элементы родовых форм и отношений» (стр. 23—24).

Этот вывод М. О. Косвена имеет чрезвычайно важное значение для правильной характеристики общественных отношений у народов Кавказа в дореволюционный период. Арханзация общественных отношений у горцев Кавказа в XVIII—XIX вв. и даже начале XX в. являлась одним из наиболее распространенных пороков в работах дореволюционных исследователей, долгое время оказывавшим отрицательное влияние и на работы советских историков и этнографов. М. О. Косвену принадлежит немалая заслуга в том, что с этой ошибочной трактовкой пережитков родовых отношений у горских народов Северного Кавказа и Дагестана теперь окончательно покончено.

Отбросив, как несостоятельную, попытку искать на Кавказе род как реальный общественный коллектив в хронологических пределах, освещаемых имеющимися в нашем распоряжении этнографическими материалами, М. О. Косвен вместе с тем подчеркивает, что родовые связи, нормы и институты в различных формах и выражениях стойко сохранялись в быту народов Кавказа до недавнего времени, позволяя таким образом этнографам восстанавливать существенные черты древнего родового строя.

В ряду пережиточных форм родового строя, широко представленных на Кавказе, М. О. Косвен особое внимание уделяет **патронимии**.

Самое понятие патронимии как особой родственной группы, явившейся во многих отношениях наследницей рода и продолжательницей его традиций, было впервые выдвинуто в этнографической науке М. О. Косвеном². Большую роль в выяснении социального содержания патронимии и ее исторического места в развитии древних обще-

¹ Впервые опубликовано в 1936 г. в журнале «Сов. этнография».

² См. М. О. Косвен, Распад родового строя у удмуртов, «Ученые записки Научно-исследовательского Института народов Советского Востока», в. II. М., 1931.

ственных форм и кровнородственных отношений сыграл кавказский этнографический материал³.

Развернутое описание патронимии как группы родственных больших и малых семей, ведущих свое происхождение от общего предка и сохранявших в ряде отношений хозяйственное, общественное и идеологическое единство, было дано М. О. Косвеню в 30-х годах в уже названной статье «Из истории родового строя в Юго-Осетии». В последующие годы М. О. Косвен неоднократно возвращался к проблеме патронимии, установив универсальность этой общественной формы, присущей многим народам⁴.

Патронимии в рецензируемой книге посвящен специальный очерк, в котором М. О. Косвен подводит итоги ее изучения на кавказском этнографическом материале. Развивая высказанные им ранее взгляды, М. О. Косвен обращает внимание на то, что на кавказском материале прослеживается процесс разрастания патронимии и отпочкования из старых патронимий новых. Форму более обширной патронимии, включающей в себя несколько патронимий, он предлагает называть патронимией второго порядка.

Как показывает кавказский этнографический материал, патронимии, в том числе и патронимии «второго порядка», входят в состав рода и являются его структурными подразделениями, которые просуществовали значительно дольше как реальные общественные коллективы, чем сам род. Эта черта составляет одну из существенных особенностей патронимии, делающей ее важным объектом этнографического изучения при восстановлении картины древнего родового строя. Именно патронимия, а не давно уже исчезнувший архаический род, сохраняла до самого недавнего времени на Кавказе представление о кровной близости своих членов, об общности их интересов, подкрепляемое территориальным единством этого общественного коллектива. Патронимия отличается замечательной устойчивостью в сохранении своей обособленности и локализованности. «Патронимия на Кавказе», — пишет М. О. Косвен, — в прошлом занимала отдельное селение, иногда большая патронимия жила в нескольких смежных небольших селениях или поселках, наконец, в более позднее время патронимия занимала отдельный квартал в селении» (стр. 35).

Высказанное М. О. Косвеню предположение, что патронимическое селение было, видимо, в прошлом основным видом поселения народов Кавказа, находит яркое подтверждение в многочисленных фактах. В частности, изучая родовой строй в горных районах Юго-Осетии, М. О. Косвен обратил внимание на то, что здесь еще в первой половине XIX в. «однофамильность селений была общим правилом» (стр. 15).

Открытие М. О. Косвеню патронимии как особой родственной группы, занимающей промежуточное положение между родом и большой семьей, уточняет и конкретизирует наше понимание родового строя и родовых отношений. Это научное открытие, сделанное в значительной мере на кавказском этнографическом материале, еще раз показывает, какое важное значение имеет изучение исторической этнографии народов Кавказа для раскрытия конкретного содержания древнейших этапов развития общества.

Замечательным качеством М. О. Косвена как исследователя-кавказоведа является его умение обнаруживать за конкретными явлениями и фактами кавказского быта пережитки глубоко архаических обычаев и институтов, нередко принимающих в результате исторического развития труднораспознаваемые формы. Ярким примером такого проникновения в историческую подоплеку кавказского этнографического материала может служить публикуемая в рецензируемой книге серия очерков под общим названием «Из истории брака и семьи у народов Кавказа». Сюда, в частности, входят очерки, посвященные весьма скрупулезному анализу пережитков дислокальной и переходной от матриархальной к патриархальной форме брачных поселений у различных народов Кавказа, а также исключительно интересные и оригинальные по трактовке материала очерки о кавказском аталычестве и кунацкой.

Проблема генезиса аталычества долгое время после того как ее поднял в 90-х годах прошлого столетия М. М. Ковалевский, оставалась нерешенной. Хотя сделанное М. М. Ковалевским предположение о связи аталычества с порядками матриархата⁵ и указывало путь, по которому следовало идти, выясняя происхождение этого в свое время широко распространенного на Кавказе обычая, однако гипотеза М. М. Ковалевского была высказана в столь общей форме и была столь неудачно аргументирована, что практически почти ничего не давала для конкретного понимания исторических корней кавказского аталычества. К тому же М. М. Ковалевский, архайзируя, по своему обыкновению, быт кавказских горцев, совершенно не учитывал роли феодальных отношений в оформлении аталычества, без чего невозможно было правильно объяснить

³ М. О. Косвен, Очерки по этнографии Кавказа, «Сов. этнография», 1946, № 2; его же, Патронимия и проблема структуры рода, сб. «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952.

⁴ М. О. Косвен, Патронимия, БСЭ, т. 44, 1936; его же, Патронимия у древних германцев, «Известия АН СССР, серия истории и философии», VI, 4, 1949; его же, Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище, «Сов. этнография», 1950, № 2; его же, Очерки истории первобытной культуры, М., 1953; 2-е исправленное и дополненное издание, М., 1957.

⁵ М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. I, М., 1890, стр. 16; ср. там же, стр. 10.

трансформацию тех древних порядков родового строя, которые послужили истоками для данного обычая.

В 1935 г. М. О. Косвен, привлекая обширный сравнительно-этнографический материал, строго последовательно, по историческим этапам проследил зарождение и развитие того обычая воспитания детей вне отцовской семьи, который в конечном счете предстает перед нами в виде кавказского аталычества. Реконструируя историю аталычества, М. О. Косвен указал, что истоки этого обычая следует искать в эпохе перехода от матриархата к патриархату. Аталычество — это, по определению М. О. Косвена, «весьма своеобразно и специфически превращенный, принявший пережиточные, в значительной мере неузнаваемые, целиком обусловленные феодальными отношениями формы, старый порядок перехода детей в материнский род»⁶.

Предложенное М. О. Косвеном истолкование аталычества получило всеобщее признание и послужило толчком к поискам и разъяснениям аналогичных кавказскому аталычеству институтов за пределами Кавказа⁷. Ныне в опубликованном в данной книге очерке М. О. Косвен заново рассмотрел проблему кавказского аталычества. Основываясь на своей концепции происхождения аталычества, М. О. Косвен, используя выявленные им за последние годы новые данные, более детально рассмотрел различные стороны кавказского аталычества и подверг их глубокому историческому анализу. В результате некоторые отдельные элементы этого сложного этнографического комплекса предстали в своем подлинном историческом смысле как пережитки и осколки архаических порядков, испытывавшие весьма своеобразные превращения в условиях патриархально-феодального быта. Подчеркивая, что аталычество представляет собой в высшей степени сложное историческое явление, материал для истолкования которого остается до сих пор крайне ограниченным и далеко недостаточным, М. О. Косвен предупреждает своих читателей, что поэтому «никак нельзя сказать, что и на данной стадии исследования аталычества порядок этот приведен в полную ясность и что все его элементы и черты освещены и объяснены» (стр. 125).

Отличным образцом проникновения в недоступную до недавнего времени архаическую суть общеизвестных этнографических фактов является очерк М. О. Косвена, посвященный кунацкой. Кто из читателей, даже далеко стоящих от специального изучения этнографии и кавказоведения, не читал и не слышал о кунацкой, которую было принято связывать только с прославленным кавказским гостеприимством. Помещение для гостей, «гостиную» видели в кавказской кунацкой все, кто писал о ней на протяжении по крайней мере последних 250 лет. Именно так и только так она толкуется в общетеографических и специально кавказоведческих работах. Но вот М. О. Косвен, со свойственной ему тщательностью, подверг критическому пересмотру все имеющиеся фактические данные, касающиеся кавказской кунацкой, и обратил внимание на такие ее черты, которые говорят о том, что назначение и использование кунацкой в историческом прошлом было гораздо более сложным, чем это обычно представляется.

В свете этих по-новому осмысленных данных кунацкая в своих наиболее архаичных чертах выступает уже не только как специальное помещение для гостей, а в первую очередь — как особое помещение для мужчин и, в частности, неженатой молодежи. Это дает М. О. Косвену основание сближать кавказскую кунацкую с таким архаическим ее прототипом, как хорошо известные этнографической науке «мужские дома» или «клубы холостяков» (стр. 128—129).

Рецензируемый труд М. О. Косвена, как и все его творчество, проникнуто духом новаторства, неустанным исканием научной истины, стремлением наиболее полно и адекватно познать историческую действительность. Несмотря на то, что многие из исследуемых в книге вопросов были впервые подняты автором более четверти века назад, он снова и снова к ним возвращается и каждый раз привлекает для их освещения новый материал, находит новые стороны и черты в известных уже этнографических явлениях, помогающие вскрыть наиболее глубокую историческую основу этих явлений.

В историографическом очерке, посвященном М. М. Ковалевскому, М. О. Косвен, отмечая, что дореволюционное кавказоведение сравнительно мало пошло по пути Ковалевского (в частности, исследование рода почти совсем не продолжалось), пишет: «Лишь советская школа этнографии смогла поднять этнографическое кавказоведение на новую методологическую и теоретическую высоту, причем именно в советское время ряд тем Ковалевского был вновь поставлен в порядок дня и подвергнут новому исследованию» (стр. 244). Убедительным свидетельством правоты этих слов как раз и является рецензируемый труд М. О. Косвена, показывающий, каких значительных успехов достигло в советскую эпоху кавказоведение.

В. Гарданов

⁶ М. О. Косвен, Аталычество, «Сов. этнография», 1935, № 2, стр. 55.

⁷ Сам М. О. Косвен указал на существование совершенно аналогичного кавказскому аталычеству порядка воспитания детей в Скандинавии и у кельтов Англии. В дальнейшем исторические параллели кавказскому аталычеству были обнаружены и другими исследователями. См. Е. Кагаров, Ф. Энгельс и вопрос о родовой организации древних кельтов, «Историк-марксист», 1940, кн. 6 (82); В. К. Гарданов, «Кормильство» в древней Руси, «Сов. этнография», 1959, № 6; его же, О «кормилище» и «кормилище» краткой редакции «Русской Правды», «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXXV, 1960; его же, «Дядьки» древней Руси, «Исторические записки», т. 71. М., 1962.